

Выступление президента Эгилса Левитса на конференции экспертов общества «Формула Латвии 2050», посвященной роли политической культуры в контексте устойчивого развития Латвии

Опубликовано: 13.12.2019.

Эгилс Левитс

Уважаемые участники конференции!

Для меня большая честь принимать участие в этой конференции. Я уже второй раз участвую в конференции, организованной обществом «Формула Латвии 2050», и хочу подчеркнуть, что это общество является очень важной организацией, потому что оно говорит о латвийском обществе и о будущем Латвии. Говоря о политической культуре, эта конференция и само общество со своей установкой являются частью политической культуры Латвии.

В отношении понятия политической культуры существуют разные версии, но их всех можно собрать воедино таким образом, что политическая культура - это отношения, ценности и представления людей, граждан о публичных вопросах и понятиях. Это означает, что в основе политической культуры лежит объективно выражающееся субъективное понятие. Субъективно – как я веду себя или какое мое отношение к государству, к дискуссиям, к другим гражданам и каким образом это мое субъективное отношение выражается в моих действиях. Это действие может казаться, с внешней стороны, к примеру, полным бездействием – я просто не участвую в политической дискуссии или, скажем, в какой-то политической деятельности. Я громко заявляю, что политика меня не интересует. И это политическая культура и составляющая политической культуры. Я считаю, что в последующей дискуссии следует выделить два аспекта политической культуры.

Одним из аспектов является то, какова наша политическая культура, и это на самом деле вопрос политической социологии. Мы можем исследовать нашу политическую культуру, и тогда можно сказать: «Ну вот она такая – описательно». «Такая она у

нас в Латвии, Германии и других странах. Если мы посмотрим глобально, то мы, наверное, выясним, какая в Латвии политическая культура, и я бы сказал, что она сравнительно похожа или даже очень похожа, если бы мы провели такое исследование в Эстонии и Литве. Немного меньше похожа на ту, чем в Скандинавии, Польше, еще немного больше отличается от той, что в Германии, но в принципе все эти страны могли бы «собрать вместе» по принципу соответствующего политического устройства, а именно, в демократических странах похожая политическая культура. Если мы взглянем на политическую культуру Буркина-Фасо по тем же критериям, то увидим очень большие различия. Мы можем обнаружить, что политическая культура сильно взаимосвязана с соответствующим политическим строем.

Политическая культура влияет на политическое устройство, а политическое устройство влияет на политическую культуру. Но все это – объективный уровень. Значит мы можем попытаться, так сказать, осознать, какова наша политическая культура.

Другой вопрос, который следует очень строго выделить в дискуссиях, потому что я вижу, что это зачастую не делается, – какой должна быть политическая культура. А это другая – нормативная – установка. У нас существует социологическая установка – какой она должна быть. То есть мы хотим достичь или создать желаемую для нас политическую культуру, то есть нормативно. Я должен сказать, что в дискуссиях часто эти два аспекта смешаны, поэтому я постараюсь сосредоточиться на этом сущностном аспекте, а именно, какова должна быть политическая культура, и не столько на этом аспекте политической социологии, какова она есть. Лишь настолько, чтобы определить, откуда мы должны начать, чтобы достичь того, чего мы хотим. В свою очередь, то, что должно быть, или что мы хотим, это вопрос дискуссий, а не вопрос фактов. Это вопрос дискуссий и воли, представлений о том, какую политическую культуру мы хотим создать.

Я мог бы подчеркнуть этот вопрос, что каждый политический строй для того, чтобы он хорошо функционировал, обладает подходящей для него политической культурой, и таким образом в течение времени достигается определенное сближение. В демократических странах существует более или менее подходящая для них политическая культура, а в странах с другим политическим устройством политическая культура такая, которая пригодна для этих других политических устройств. Одним из наглядных примеров является коррупция. Коррупция при демократическом строе и демократической политической культуре означает, что наше отношение отрицательно, скажем, к тому, что мы объективно понимаем под коррупцией. В свою очередь, есть «традиционные страны», где заботиться о своих нормально. Например, если президент победит на выборах, то, конечно, он заменит клан, род, семью предыдущего президента, его сторонников на своих, и от него этого ждут. Если бы он этого не сделал, он был изгнан своими. Это разница в политической культуре. Итак, мы видим, что при соответствующем устройстве полагается соответствующая политическая культура.

С течением времени, конечно, она нивелируется. Нивелируется так, что стабилизирует соответствующий строй до тех пор, пока соответствующий строй по понятным причинам (и это совершенно другой вопрос, эволюционным или революционным путем) меняется. И мы лучше всего видим эту корреляцию между политической культурой и политическим строем в тех ситуациях, когда политический строй меняется или его изменяют.

Такое изменение политического строя происходит довольно быстро, в свою очередь, политическая культура формируется довольно медленно. Это происходит в течение определенного времени, который мы обычно обозначаем как период трансформации или переходный период, когда политическая культура не соответствует новому политическому устройству, поскольку по инерции она несет в себе черты предыдущего строя. Мы в Латвии это хорошо это знаем. Прошло 30 лет с момента трансформации нашего политического строя, но у нас по-прежнему существуют некоторые элементы из предыдущей политической культуры, которые подходили для той политической культуры, но не подходят для этой. В то же время мы можем видеть, что сегодня период трансформации в Латвии в большой степени завершился, и если бы я мог количественно выразить такую гипотезу, я бы сказал, что 90% нашей политической культуры соответствует демократическому государственному строю, но есть где-то 10%, которые я называю остатками, которые мешают. С точки зрения этой новой политической культуры мы идентифицируем эти элементы, чтобы целенаправленно попытаться их искоренить. Это касается отношений между политической культурой и соответствующим государственным строем.

Должен сказать, что то, что я сказал о периоде трансформации, конечно, относится не только к Латвии, но и к любой стране, в которой внезапно и быстро меняется политический строй. Еще лучше и нагляднее это видно, например, в Германии, потому что там в рамках одного государства какое-то время действовали, так сказать, две политические

культуры, пока в итоге не объединились, таким образом соответствуя одной политической культуре. Но в других странах это длится немного дольше, поэтому, возможно, эту дискуссию о политической культуре, я бы сказал, о моменте сущности надо разделить на две части.

Любая политическая культура (конечно, и политическая культура демократических стран) развивается вместе с развитием общества. Это нормальное явление. Поэтому, как сказал господин Аузиньш, надо всегда об этом говорить, но есть особые ситуации, когда об этом надо говорить более конкретно. Политическая культура всегда является одним вектором политического строя, о котором надо заботиться. То есть как в смысле её наличия, так и в смысле её сущности.

Например, один вопрос, о котором следует думать в контексте политической культуры, является внедрение новых технологий в процесс формирования общественного мнения. Это что-то новое, и это относится ко всем демократическим устройствам – как в Америке, так и в Германии, и в Греции, и в Латвии. Это общий для нас вопрос, который ни одна страна до сих пор не решила, но мы находимся в довольно быстро развивающейся политической культуре, несмотря на то, что демократический государственный строй остался прежним. И здесь мы видим одно интересное явление. Я только что сказал, что при изменении политического строя, например, от авторитарного режима к демократическому строю, политическая культура «подтягивается». Устройство «ушло» вперед, и политическая культура в течение определенного промежутка времени «подтягивается». Но бывает и обычная ситуация – когда политическая культура меняется не только в зависимости от политического строя, но и с изменением общества. Возникают новые феномены, новые явления, к которым мы должны стремиться – надо развивать свое отношение, свои представления, свои ценности. Но политическое устройство, которое закреплено в конституции, остается таким, какое есть. Мы видим это в обычной ситуации, а не в революционной. Однако в обычной ситуации мы видим и другой феномен, когда политическая культура меняется быстрее, чем политическое устройство государства. И тут возникает напряжение между политической культурой и политическим строем, что мы должны решать соответственно. Мы должны решать те же проблемы политической культуры, как и в любой другой демократической стране. Мы, так сказать, должны найти ответы для нас самих и всего остального демократического мира, но у каждого государства, и у Латвии, конечно, есть свои специфические черты политической культуры, и мы должны решать их сами. Мы можем найти определенные сходства с другими странами, но это специфические вопросы, которые присущи только Латвии. И, я бы сказал, в этой ситуации мы видим, что в большой степени, но не полностью, эти специфические вопросы являются снова вопросами наследия или инерционными вопросами из политической культуры, соответствующей предыдущему строю. Мы часто говорим, что это «советское наследие» и т.д., иногда этим оправдывая и другие причины.

Возвращаясь к тому, что я сказал, что мы сейчас во всех демократических странах находимся в ситуации, когда политическая культура меняется вместе с обществом, можно сказать, что политическая культура является одним вектором или одной функцией общества или представлений, ценностей, отношений общества, которые меняются по разным причинам, а не только в результате деятельности государства. Создается довольно новая ситуация или напряженность в демократических странах между этой политической культурой, которая изменилась везде, и политическим государственным строем. Здесь я приведу несколько примеров, что собой представляют эти общие для всех демократий элементы.

Под влиянием технологий изменился процесс формирования общественного мнения. Мы все знаем, что демократия – это тот строй, в центре которого находится гражданская общественная идея. Это его центральный элемент. До сих пор общественная мысль формировалась в результате одной определенной процедуры, и это было не случайностью, а определенным процессом, как образовалось то, что мы называем общественной мыслью, которая в свою очередь влияет на действия государства. Теперь это изменилось. Упрощенно, как мы все знаем, до сих пор общественную мысль создавали, скажем, политические партии, политики, пресса, лидеры мнений. Чтобы стать лидером мнений, в развитых демократиях существует известный механизм фильтрации. Ты не мог быть, скажем, человеком с довольно простыми примитивными представлениями и стать лидером мнений. Тебе потребовалось бы высшее образование, или ты каким-то образом должен был доказать себя на общественной работе, пока в конце концов ты мог стать авторитетом, тебя стали бы слушать и так далее. Так сказать, образовалась такая построенная на принципах меритократии пирамида. Меритократия, упрощенно говоря, это система власти, которая основывается на компетенции. Эта меритократическая система, которая формировала общественную идею и вместе с тем и действия государства, могла соединить две несовместимые или

трудносовместимые цели демократии, между которыми всегда существует напряжение. Одна цель - это воля - политическая воли, воля людей, воля граждан. Вторая – это качество – правильная воля, хорошая воля, этическая воля. И эти две цели не являются автоматическими. Человек может хотеть то, что не является ни правильно, ни этично, ни компетентно. Для этого есть специальные механизмы коррекции, как их соединить.

В примитивной демократии доминирует элемент воли. Например, в Афинской демократии доминирует элемент воли, и там хватало воли, и все работы были сделаны. В развитых демократиях (до сих пор это было так) элемент этой воли корректируется определенными конституционными мерами. Например, конституционной мерой является правовое государство. Правовое государство является элементом, который корректирует демократический элемент, который уже является институциональным, таким образом, что общественная мысль вводится в такое русло, которое в известной степени могло бы быть хорошим и правильным. Мы, конечно, можем спросить, что значит хорошее и правильное. Здесь, наверное, объективно мы «оставим» философию в стороне, а хорошее и правильное может быть то, что более или менее соответствует представлениям общества о ценностях. Упрощенный пример – все хотят жить лучше в материальном плане, зарабатывать больше и т. д. Это ценность, которую в капиталистическом обществе очень ценят, все этого хотят, и 99% скажут: «Да!» Но предложение, как этого достичь, может быть как продуктивным, так и контрпродуктивным. И этот момент воли должен быть соразмерен с более важными ценностями. Таким образом, до сих пор в странах с демократическим политическим строем сложились определенные меритократические элементы, которые попытались соединить как волю, так и качество.

Можно наблюдать за тем, как в основном с развитием технологий та часть общества, которая вовлечена в политический процесс и чьи мысли принимаются во внимание, очень сильно выросла. С точки зрения ценности это означает уже инклюзивное общество – почти все могут высказаться. Технические средства, например, социальные сети влияют на общественную идею и таким образом косвенно и на действия государства. Мы можем сказать, что в этом контексте напряжение между качеством и волей увеличилось. Наше политическое устройство фактически этот второй элемент – элемент качества и меритократии – в современной ситуации немного снизило его значение, увеличив элемент воли. Мы как бы приблизились к Афинской демократии или вернулись в сторону Афинской демократии, которая состояла только из воли. Я бы сказал, что это вопрос одной политической культуры, как мы его решаем, чего мы хотим и как государство может реагировать на этот вопрос. Может ли государственный строй сказать, что это хорошо и правильно? И мы также подчиняемся этому, или наоборот, основываясь на логике этого государственного строя и логике качества, говорим, что мы пытаемся анализировать эту волю, возможно, другими новыми средствами, которые еще не осознаны таким образом, чтобы они соответствовали этому меритократическому элементу больше, чем теперь.

Это, по сути, центральный вопрос о популизме. Популизм является одним интересным индикатором, который указывает на изменение ситуации в политической культуре, и у нас есть две возможности. Одна возможность сказать: «Все это хорошо и правильно», и, как популизм определяет, так и мы делаем. И другая возможность – сказать: «Нет, мы со стороны говорим, что это хорошо и правильно, но мы устанавливаем другие критерии и пытаемся так или иначе этот популизм ограничить». Это было бы установкой для всех демократических режимов.

Коллеги, сегодня я хотел поставить вопрос о том, что политическая культура – это представления, ценности, отношение, субъективный подход к общественным вопросам. Во-вторых, в дискуссиях следует соблюдать разделение, является ли твой аргумент моментом социальной реальности, как это есть, или твой аргумент состоит в том, как это должно быть. Это две дискуссии, которые нужно разделить. Еще я пытался показать, что между политическим строем и политической культурой существует определенная корреляция, и со временем политическая культура приспосабливается к политическому строю, однако, при стремительном развитии общества может сложиться ситуация, что политическая культура меняется быстрее, чем политический строй. Эта напряженность между этими двумя целями демократии увеличивается – соединить то, что хотят граждане, с тем, что было бы разумно.

Спасибо!

<https://www.president.lv/ru/novosti/vystuplenie-prezidenta-egilsa-levitsa-na-konferencii-ekspertov-obschestva-formula-latvii-2050-posvyaschennoy-rol-i-politicheskoy-kultury-v-kontekste-ustoychivogo-razvitiya-latvii>